

Пойманный Лин Си кролик оказался довольно упитанным, да ещё и живым, так что мастер Фэн Лэя без раздумий дал за него сто пятьдесят вэнь.

Получив деньги, Лин Си сразу направился за свининой. Мясо стоило двенадцать вэнь за цзинь. Жирное мясо ценилось дороже, постное - дешевле. Кости и потроха почти никто не покупал, особенно потроха, их брали только те, у кого в доме совсем уж нечего было есть.

Цены на мясо были высокими, и далеко не каждая семья могла позволить себе есть его каждый день. Потому мясо покупали не наедаться, а чтобы добавить "масла в кашу", особенно ценилось жирное мясо.

Лин Си же учился в школе, где готовили кадетов для военного лагеря, а потому питание студентов строго подчинялось правилам нутрициологии: даже если не всегда доставалось белый рис или мясо, им давали здоровые питательные напитки, и с детства в голову вдалбливали: меньше углеводов, больше качественного белка, никакого жира.

Хотя теперь тренировки были позади, Лин Си всё ещё поддерживал физическую форму.

— Ты точно не хочешь жирного мяса? — мясник с сомнением переспросил ещё раз.

Лин Си решительно отказался, даже рукой показал, как именно нарезать мясо:

— Пожалуйста, вот так порежьте. Спасибо.

— Ну ты и странный, гер, — буркнул мясник, явно удивлённый тем, что кому-то может нравиться постное мясо, а не жирное.

Лин Си купил кусок свинины, где примерно две трети составляло постное мясо, чем вызвал недоумённые взгляды у проходящих мимо людей. А когда они услышали, что он ещё покупает кости и потроха, всё встало на свои места - бедняк, видно, живёт тяжело, а ведь такой видный, но, увы, не попал в богатый дом.

Мясник, добродушный дядька средних лет, посмотрел на Лин Си - тонкие руки-ноги, хоть и высокий, но сил немного. Видя, что он берёт много мяса, кости и потроха он ему практически подарил.

— Гер, не тяжело тебе будет нести? — поинтересовался он.

А вот пара мужиков, уже положивших глаз на красоту Лин Си, с готовностью вызвались помочь донести.

— Малыш, где живёшь? Давай мы тебе поможем!

Лин Си же одной рукой спокойно подхватил кусок мяса, швырнул его в корзину, небрежно перекинул корзину за спину и холодным взглядом окинул собравшихся:

— Не надо.

Он не стал тратить силы, чтобы переубедить всех этих людей, объяснять каждому было бы пустой тратой слов.

Толпа, увидев, как он легко закинул на спину корзину с мясом и костями, сразу поняла - парень не из слабаков. Сальные мысли у желающих "помочь" мгновенно испарились.

После покупки мяса Лин Си прошёл мимо животного рынка, краем уха подслушав разговор - обычная корова стоит целых пять лян серебра! Да что там, даже если бы говядину можно было есть, простолоудину такое мясо не по карману.

"Ну всё, конец мечтам..." — обречённо подумал он, — "тушёная говядина с картошкой, суп из ребухи, красное рагу, стейк... прощайте."

Он решил, надо будет у брата Хо спросить, ел ли тот когда-нибудь мясо яка, когда служил на границе. Если ел, нужно будет срочно разбогатеть, чтобы хоть раз попробовать самому.

Когда он зашагал обратно в горы, вдруг почувствовал - что-то не так. Ветер донёс до него необычный шум, в лесу явно было слишком беспокойно. Лин Си нахмурился и ускорил шаг. Он быстро добежал до основного дома. Ещё не переступив порог, уже почувствовал в воздухе посторонний, беспорядочный запах людей. Под навесом - недоделанный бамбуковый стул, в доме пусто.

- Брат Хо? Брат Хо! — Лин Си проверил каждую комнату, но Хо Цзюя нигде не было.

Его узкие глаза феникса мгновенно наполнились холодным светом, будто отражая острые осколки льда. Пол был вытопан грязными следами, явно здесь побывало много человек.

Они забрали его.

Лин Си сжал кулаки, от него повеяло леденящим холодом, будто его окружила сама зима.

Посмели тронуть моего человека.

В доме был хаос, всё, что хоть как-то представляло ценность разворовано, словно здесь прошёл настоящий набег мародёров.

"Вот это и есть та самая 'простодушная деревенская честность'?" — холодно подумал он.

Лин Си никогда не винил деревенских за то, что те выбросили его в горы. Тогда его температура была пугающе высокой, он выглядел полуживым, все думали, что он болен чем-то заразным. Такое решение он мог понять. Но даже если умом Лин Си и понимал, что тогдашнее решение деревенских было наиболее рациональным, на эмоциональном уровне ни один нормальный человек с этим не смирился бы. Если бы он тогда не обладал силой, давно стал бы добычей диких зверей.

Никто не хочет умирать. Он может понять, но это не значит, что должен прощать.

Он никогда не любил эту деревню. А теперь... вломилась в его дом, увели его человека, разграбили его вещи и думали, он всё это смиренно проглотит?

Серьёзное лицо Лин Си не выражало ни гнева, ни ярости, только ледяную решимость. Он поднял пальцы ко рту и громко свистнул. В ответ с гор разнёсся пронзительный волчий вой:

- Аууу...

— Что это было?

— Похоже, волки...

— Господи, но ведь ещё даже не стемнело... Почему волки выли?!

Все, кто собрался у дома деревенского старосты, одновременно обернулись в сторону гор. На лицах ужас, смятение, листья на деревьях казались слишком тихими, и это пугало ещё больше.

Только высокий мужчина, сидящий рядом со старостой, не изменился в лице. Он сидел прямо, спокойный и невозмутимый, но исходящее от него давление заставляло даже взрослых мужиков потеть холодным потом.

Староста с каменным лицом распорядился:

— Сегодня ночью не спите слишком крепко. Все крепкие мужики на дежурство по очереди.

— Когда же, в конце концов, власти пришлют людей разобраться с этими волками? Солдаты ушли уже сколько дней назад, а новостей никаких!

— Я с самого начала говорил, те вояки только трепались. Чиновникам нет дела до нас, простых людей!

— Староста, да нельзя же всё время на Эрню рассчитывать! — взывала мать Эрню, — У нас в доме вся надежда на него, чтобы род продолжить!

Как только она это сказала, сразу несколько человек заголосили в поддержку:

— Точно! Осенью на уборке урожая я только на Дапэна и надеюсь! Мы с его отцом старые, уже ничего не можем, если с ним что-то случится, мы всей семьёй побираться пойдём!

В доме поднялся гвалт: кто шумит, кто жалуется, кто в слёзы ударился, одним словом, настоящий бедлам.

— Хватит! — староста с грохотом встал из-за стола, лицо налилось кровью от злости. — Чего вы тут разорались? Думаете, у кого-то дети менее ценны? Всем опасно! Хочется отсидеться дома в тепле? Не в такие времена! Если сейчас не сплотимся, когда волки действительно придут, кто тогда защитит женщин, детей и стариков?!

Шум постепенно стих, в комнате воцарилась тишина, словно учитель отчитал учеников, и все стыдливо потупили головы.

— Кх-кх... — деревенский староста погладил грудь, успокаивая дыхание, затем поднял кружку с водой и промочил горло.

Деревню решено было охранять, как и раньше, только этой ночью выставили больше человек. Распорядившись насчёт ночного дозора, староста распустил толпу, оставив лишь тех, кто имел отношение к Хо Цзюю.

Ведь сегодня, пройдя по следам у пруда, они неожиданно нашли в горах бамбуковый домик, где, как оказалось, сидел сам унесённый волками Хо-далан, которого все уже давно считали погибшим. Он спокойно плёл что-то из бамбука под навесом, как ни в чём не бывало.

Старосту на гору сопровождали в основном молодые парни из деревни, среди них был и Чжан Баошунь. Когда Хо Цзисюэ прибежал в деревню звать людей, он услышал, что нашли следы Хо-далана, и не раздумывая отправился с остальными. Его мать говорила, что мужчина, которого он видел в уезде рядом с его супругом, это не кто иной, как тот самый пропавший десять лет назад Хо-далан. А раз уж у Хо-далана есть вести, значит, где-то рядом и его «фулан».

С тех пор как его избили, Чжан Баошунь вовсе не умерил желания заполучить Лин Си, наоборот, его одержимость только усилилась. Несбывшееся всегда терзает душу. Сейчас он днём и ночью не мог выбросить из головы образ прекрасного ещё не взятого в дом «супруга». Даже посещения весёлых кварталов не могли заглушить его жажду, тоска по Лин Си никуда не

исчезала.

«Чёртов хромой ублюдок... смеешь надевать на меня зеленую шляпу? Рано или поздно я тебя прикончу» - Чжан Баошунь злобно ненавидел Хо Цзюя, его ядовитый, как у змеи, взгляд, не отрываясь следил за мужчиной. Если бы не его мать, испугавшаяся, что стемнеет и появятся волки, он бы ни за что не ушёл. Она силой вытащила его домой до наступления полной темноты.

Когда посторонние ушли, жена старосты подошла и закрыла дверь. Воздух в комнате стал напряжённым, время будто застыло, никто не решался заговорить.

Отец Хо Цзюя, Хо Юндэн, имел старшего брата Хо Юнфэна и младшую сестру Хо Яо, вышедшую замуж в соседнюю деревню Даянь. Сегодня она отсутствовала. В комнате собрались семьи Хо Юнфэна и Хо Юндэна. В древние времена женились рано и рожали много детей, надеясь на многочисленное потомство, так что в комнате было немало людей. Младшие, как и положено, сидели тихо, кто-то уставился в пол, кто-то переглядывался, перешёптываясь, а кто-то зевал, явно не проявляя интереса.

В конце концов, молчание прервал Хо Юнфэн - старший брат, глава рода и самый старший по рангу после смерти родителей.

— Далан, скажи нам честно, что произошло? Раз уж тебя волки не сожрали, и ты жив-здоров, почему не вернулся домой? Мы же волновались за тебя не на шутку.

Чжао Сюцзюань тут же вытерла глаза и всхлипнула:

— Да, далан, ты ведь не знаешь, как мы с отцом каждый день за тебя переживали... Тогда ты ушёл, не сказав ни слова, а мы тебя ждали, ждали целых десять лет... А теперь, с таким трудом вернувшись домой, ты снова... У-у-у...

Хо Юндэн сжал кулаки от злости:

— Ты тварь неблагодарная! Только и умеешь, что заставлять мать слёзы лить! Знаешь, сколько она из-за тебя наплакала?! Если уж не хотел возвращаться, так лучше бы сдох где-нибудь в дороге!

— Второй брат, не говори сгоряча, — вмешалась жена Хо Юнфэна, стараясь разрядить обстановку. — Мы с таким трудом нашли далана, не гони его снова прочь.

Староста деревни молча затянулся трубкой, хмурясь сильнее с каждой секундой:

— Хо-далан, у тебя, что, обида на семью? Иначе чего ты всё из дома бегаешь?

Жена старосты тут же хлопнула мужа по плечу:

— Чуть несёшь! Я вот что скажу: далан - парень честный и трудолюбивый. До армии кто землю обрабатывал? Он! Сейчас, раненый, вернулся, чуть волки не сожрали, и всё равно терпит, молчит. И после этого винить его?! Да за то, что жив остался, уже небесам молиться надо!

Напоминание жены заставило старосту вдруг очнуться - и правда, Хо-далан ведь сам пострадавший! Как так получилось, что после слов Хо Юндэна с женой, всё стало выглядеть так, будто далан нарочно сбежал из дома и всех зря волновал?

Жена старосты закатила глаза, налила Хо Цзюю тёплой воды - лицо у него такое бледное, прямо жуть.

Плач Чжао Сюцзюань резко оборвался. Она незаметно сжала в руке платок:

— Лишь бы вернулся... Вернулся и ладно. Пока далан цел и невредим, остальное не важно...

Жене старосты её слова резанули слух. Вроде бы всё правильно говорит, а как-то скользко и неприятно.

— Староста, дядя, раз вы оба сегодня здесь, как раз можете мне засвидетельствовать, — внезапно подал голос Хо Цзюй, до этого всё время молчавший с момента возвращения с гор.

Все головы синхронно повернулись к нему, словно подсолнухи к солнцу. Единственный, кто сиял в этой комнате, - это он.

В груди Чжао Сюцзюань тревожно кольнуло. Она открыла рот, чтобы остановить его, но Хо Цзюй оказался быстрее:

— Я хочу отделиться от семьи.

— Что?! — вскрикнули в один голос.

Эти слова, прозвучавшие как гром среди ясного неба, потрясли всех до глубины души. Вся комната замерла в шоке.

Первым пришёл в себя Хо Юндэн и тут же сорвался на брань:

— Паршивец! Крылья затвердели, значит?! Я ещё не помер, а ты уже хочешь отделяться?! Ни за что! Не будет никакого раздела!

Чжао Сюцзюань, разумеется, тоже была против. Она ведь надеялась, что Хо Цзюй, когда подлечится, снова будет, как десять лет назад, пахать на семью как вол.

— Далан, зачем тебе это? Даже если ты обиделся на отца с матерью, неужели и к младшим у тебя нет чувств? Когда Инъин выходила замуж, ты ведь сам её на спине выносил! А Сяожун ещё будет сдавать экзамены, станет большим начальником и вытащит всю нашу семью в люди. Разве можно без тебя?

— Да, далан, не горячись, — подхватила жена старшего дяди, вытирая глаза.

Хо Юнфэн, долго молчавший, наконец тоже вмешался:

— Далан, даже если не брать в расчёт, что твои отец с матерью живы и здоровы, а значит, нет повода делить хозяйство, ты ведь ещё не женат.

Чжао Сюцзюань при этих словах едва ли не просияла, словно поймала Хо Цзюя за слабое место, тут же уцепилась за него:

— Вот именно, далан! Все люди делят хозяйство, когда женятся и уходят жить отдельно. А ты один, да ещё и с увечьем. Рядом даже нет человека, кто бы за тобой приглядывал. Как мы с отцом можем быть спокойны? Разве ты хочешь разбить нам сердце?

Слова Чжао Сюцзюань звучали логично, и спорить с ними было сложно. Она заметила, как губы Хо Цзюя сжались в тонкую линию, лицо будто застыло, как у человека, проглотившего горькую пилюлю и не в силах пожаловаться. Уголки её губ невольно поползли вверх. Тебе еще рано со мной тягаться.

В доме снова воцарилась тишина. Казалось, решение уже принято.

БАМ! Тяжёлая дверь вдруг с грохотом распахнулась от сильного удара ноги. В комнату, окутанный лунным светом, шагнул высокий стройный силуэт.

— Кто сказал, что у него нет такого человека?

Он посмотрел прямо вперёд, глаза сверкают холодной решимостью.

— Я его супруг.